

этом году на участке соборного кладбища на мраморном мемориале все известные имена погребенных в соборной ограде вновь обозначены.

Примечания:

1. Василий Ильич Сафонов (к 140-летию со дня рождения) // Памятные даты Ставропольского края на 1992 год. Библиографический указатель литературы. Ставрополь: СГКНУБ им. М.Ю. Лермонтова, 1991. С. 31–34.
2. Равичев Я.И. Василий Ильич Сафонов. М.: Музгиз, 1959. 336 с.
3. Казачий словарь-справочник. Том III / сост. Г.В. Губарев, редактор-издатель А.И. Скрылов. Сан Ансельмо. Калифорния. США, 1970. С. 60.
4. Польская Е., Розенфельд Б. Дорогие адреса. Памятные места Кавказских Минеральных Вод. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1974. С. 88–92; и др.
5. Савенко С. Почетный казак станицы Кисловодской // Кавказская здравница. 1992. 25.04. С. 2; 28.04. С. 2.
6. Летопись жизни и творчества В.И. Сафонова / составители Л.Л. Тумаринсон, Б.М. Розенфельд. М.: Белый берег, 2009. 768 с., ил.
7. Терское казачество: история и современность: научно-справочное иллюстрированное издание / Авторы-составители Н.А. Охонько, С.Н. Савенко / Под ред. В.П. Бондарева. Изд. 2-е испр. и доп. Ставрополь – Пятигорск: Вестник Кавказа, 2011. С. 415–417.
8. Плотников Н.Д. Собственный Его Величества Конвой // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 64.
9. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах. Биографический словарь. Т. 19. Ставрополь: ЗАО «Пресса». С. 186–187.
10. Список генералов по старшинству. СПб.: Военная типография, 1896. С. 310.
11. Зиссерман А. И.И. Сафонов // Московские ведомости. 1896. 08.09.
12. Личный архив С.Н. Савенко. Копия выписки из метрической книги. № 803 от 20.10–2.11.1918 г. Заверена в Малокарачаевской конторе по реестру № 191. 15.03.1923 г.
13. Архив ГЦММК. Ф. 80. № 3253. Л. 326–328.

Список сокращений:

СГКНУБ – Ставропольская государственная краевая научная универсальная библиотека им. М.Ю. Лермонтова, г. Ставрополь.

ГЦММК – Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки, г. Москва.

К.В. Скиба
(г. Армавир)

ЛИНЕЙНЫЕ КАЗАКИ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ФЛОРИАНА ЖИЛЯ

В 1858 году Флориан Антуан Жиль (1801–1865), швейцарец, приехавший в Россию как преподаватель французского языка и географии для цесаревича Александра Нико-

лаевича (будущий император Александр II), ставший затем придворным библиотекарем, заведующим Царскосельским арсеналом, и руководителем I-го отделения императорского Эрмитажа, отправился из столицы в свое путешествие по Югу России, Крыму и Кавказу.

Вернувшись обратно в Санкт-Петербург в следующем 1859 году, он практически сразу выпускает свою книгу – «Письма о Кавказе и Крыме» [1], которая содержит в себе множество интересных сведений о жизни населения на юге Российской Империи.

Немало страниц этой книги Ф. Жиль посвятил линейным казакам, с которыми регулярно общался во время своего путешествия. В нашей статье, из-за ограниченного объема публикации, мы приведем лишь несколько самых характерных фрагментов.

О казачьих кордонных постах.

«В Ставрополе начинается линия укрепленных постов, что составляют наилучшим образом организованную военную систему в крае, за коим следует надзирать и днем, и ночью. В пяти верстах от города я обнаружил первый из этих постов. Они в определенной последовательности расположены в степи в 10 верстах друг от друга, иногда на меньшем, иногда на большем расстоянии, во всех благоприятных местностях.

Есть посты из 10 человек, из 15, из 20, обязательно под командованием урядника (унтер-офицера). Некоторые из этих постов представляют собой одно из самых красочных зрелищ. Обычно речь идет о квадратном огороженном пространстве, прикрытом стеной из земли или камня, побеленной известью, с продырявленными амбразурами, расположенными по бокам двумя выступами, напоминающими маленькие бастионы, чей огонь укрывает все огороженное пространство поста.

Над воротами возвышается вышка, маленькая платформа, установленная на столбах, своего рода надземная вышка, где постоянно дежурит караульный, чей зоркий взгляд, охватывая на горизонте 10 верст, обнаруживает и отмечает в степи малейшее подозрительное движение.

На одной из сторон внутренней части находятся отряд охраны и маленькая казарма со своим складом. На противоположной стороне расположены конюшни, где в один миг можно оседлать коней.

Эти посты заняты казаками Кавказской Линии. Каждый из них вооружен собственной шашкой и своим кинжалом, никогда его не покидающими, висящими на тонкой кожаной закрепе, коя, в свою очередь, находится на поясе, где висят маленький коробок для смазки, для обслуживания нарезного ружья и отвертка, хитроумный инструмент для разборки и чистки всех частей оружия. Каждое из них снабжено 42 патронами.

Пост организован таким образом, чтобы он мог обороняться несколько часов, каковым бы ни было число противников, откуда соседние посты, оповещенные стрельбой, успеют прибыть, взывая к помощи, если потребуется подкрепление, к ближайшей станции. Позднее я опишу экипировку этих казаков, являющуюся на первый взгляд удивительно похожей на экипировку горцев, с которыми они призваны сражаться.

Я несколько раз останавливался, дабы посетить эти посты, особенно пост близ Калиновской, в 100 верстах от Ставрополя. Там я видел этих храбрых казаков, собравшихся по причине хорошей погоды у подножья вышки, где они готовили под открытым небом свой солдатский обед из яиц и соли. То было 31 августа, накануне августовского поста.

Я присоединился к их очагу. Я испробовал их отшельнические блюда и долго беседовал с ними. Их рассказы о степных происшествиях и о жизни, что они ведут, были для меня чем-то вроде предвкушения всего того, что я должен был повстречать в этом Кавказском крае, где все дивно для прибывшего из Европы путешественника. Я покинул этот пост. Вечер был восхитительным; солнце опустилось за горизонт на лазурном и золотом небе» [2].

Фрагмент о вооружении и униформе.

«На правом краю сразу же располагается Линия казаков Черного моря (Черноморья), чьей столицей является Екатеринодар, что на Кубани.

Она включает в себя:

1) 12 конных полков казаков. Их военной формой является синий мундир (чекмет), открытый на груди, где усматривается нижняя красная туника (бешмет); все они, что касается покроя, сшиты по черкесской моде;

2) 9 батальонов пеших казаков, каждый численностью в 1000 человек, носящих синюю, спереди закрытую тунику;

3) 3 батареи конной артиллерии.

Именно к пешим батальонам относятся пластуны, или казаки-наблюдатели, кои, особенно на полуострове Тамань, беспрестанно надзирают за соседними черкесскими племенами, подобно натухаям.

Обутые в циновки, покрытые своими бурками, эти пластуны остаются, в случае надобности, целыми ночами и днями спрятавшимися в своих секретах, посреди камышей, откуда выслеживают малейшее движение неприятеля. В качестве всей пищи им достаточен хлеб. Они вооружены нарезными дальнобойными ружьями. Их очень боятся горцы...

Кубанская Линия начинается в устье Лабы. Эта вторая (после Черноморской Линии. – К.С.) Линия состоит из 14 казачьих полков, поделенных на 7 бригад, носящих названия, пронумерованных цифрами 1-го и 2-го, Кавказского, Лабинского, Урупского, Кубанского, Ставропольского, Хоперского и Волжского полков.

Они охраняют Линию выше устья Лабы и до притоков Кубани, вплоть до Пятигорска. Эти 14 полков конных казаков, коим приданы два батальона пеших казаков (последние имеют черную, спереди закрытую тунику) и несколько артиллерийских батарей, носят синий чекмет и бешметы разных цветов для каждой бригады (красный, лазурный, бирюзовый, белый, малиновый, оранжевый).

Это их парадный мундир, с эполетами для офицеров. Будучи в обычном мундире, они носят чекмет цвета сухих листьев, как у черкесов, у коих, как мы уже сказали, все кавказские казаки позаимствовали их костюм и оружие, как и шапку из меха ягненка, то черного, то белого, то маленькую, то большую, то низкой, то высокой формы, следуя переменам в кабардинской моде. Шашка, кинжал и пистолет, последний за поясом или в кожаной сумке сбоку, никогда не покидают их. Они держат горское оружие с нарезным стволом.

Костюм казаков, одновременно удобный и элегантный, предлагает взору одно из самых живописных зрелищ, особенно если в это примешиваются яркие цвета. Так, в Тифлисе, в эскорте наместника императора на Кавказе, состоящем из отряда казаков, отобранных числом по четыре человека из каждого линейного полка, позволено выбирать

для чекмета цвет, кой им по душе. Благодаря щедрости князя Барятинского, подарившего этим казакам на празднование пасхи 1857 года сумму, необходимую для полного нового костюма, их скоро узрели облаченными в чекметы, предлагающие все оттенки: черный, красный, белый, светло-коричневый (цвет кавказской корицы), зеленый, цвета персидской оливы.

Контраст всех этих бесчисленных оттенков создавал в галопом скачущем эскадроне самую привлекательную пестроту. М. Бланшер счастливейшим образом извлек из нее пользу, дабы украсить великолепные акварели, в коих он изобразил боевые сцены Кавказа...

Левый фланг Линии ... начинается в Нальчике, близ Екатеринограда. Он насчитывает Горский и Владикавказский полки (последний расположен от Екатеринограда до Владикавказа), образующие 8-ю бригаду; Моздокский полк, образующий 9-ю бригаду вместе с полками Сунженской Линии; Гребенской и Кизлярский полки, образующие 10-ю бригаду.

Полки Левого фланга носят чекмет цвета корицы с различительными цветами (красным, желтым, синим, белым, малиновым, оранжевым) для бешмета. У них есть также артиллерия.

Генеральского чина у кавказских казаков нет. Атаманом всегда является из России присланный генерал. Бригады находятся под командованием полковника и даже подполковника» [3].

«Мы покажем вам, как мы стреляем...».

«На дороге от Пятигорска к Кисловодску я посетил один из четырех постов, тот, который назван Маковским, менее примечательный своими укреплениями, так как вместо стен, снабженных амбразурами, как на других постах, он лишь окружен укреплением из плетня. Я и не предполагал об удовольствии, что должен был принести мне мой визит.

Урядник, командовавший четырнадцатью казаками, был человеком 35-ти лет, огромного роста и могучих форм, обнаруживавших богатырскую силу. Он носил звучную фамилию Скоробогатов; вместе с ней он имел голубые глаза с твердым, но добрым взглядом.

Я беседовал какое-то время с этими мужественными людьми; я сказал им, что утром видел их командующего, генерала Рудзевича, атамана всех линейных казаков, кой передал мне «открытый приказ»¹.

Урядник предоставил мне конвой. «Зачем, – сказал я ему, – местность спокойная, путь расположен посреди ваших постов». Так как я собирался уже удалиться, один из казаков перебросился несколькими словами с командиром и сказал мне: «Мы покажем вам, как мы стреляем». – «Добро, пусть лишь двое из вас сопровождают меня».

Через несколько минут они были в седле. Итак, скача галопом назад, вперед и по сторонам дороги, как если бы они хотели ее разведать, они совершили всевозможные повороты. Я мог восхищаться ловкостью этих великолепных в своем совершенстве всадников. Они отводят ноги назад и держат их подтянутыми к бокам их верхового животного, мчась во весь опор.

Вдруг один из них живо освободил свое ружье из кобуха и еще на скаку зарядил его; затем, скача взад и вперед, он пронесся как стрела рядом с тарантасом.

Потом я увидел, как он взял в зубы повод, кой держал правой рукой, стал размахивать круговыми движениями своим оружием, как если бы искал мишень на вероятном противнике, кой собирался наброситься на меня и произвести выстрел.

Второй казак с тем же проворством проделал те же самые уловки. Он сорвался с места и помчался галопом, но выстрел не раздался. Первый перезарядил свое ружье; вновь промчался мимо, ствол его ружья описал кривую назад, опустился, раздался выстрел.

Во второй раз более молодой повторил свой маневр, но выстрел так и не прозвучал. Первый казак приблизился ко мне и сказал: «Простите его, он хороший всадник, но он еще совсем молод; он только что поступил на военную службу».

Тогда же произошла очаровательная сценка. Двое этих казаков являлись братьями. Старший, Петр Халипов, очень бородастый, с профилем орла, имел пятнадцать лет

¹ «Это листок с напечатанным текстом, предписывающий предоставить лошадей и конвой путешественнику, кой является его носителем и чье имя и звание вписаны рукой. Этот приказ показывают на посту, где и хотят заполучить конвой».

службы. Второй, Степан, в возрасте двадцати лет, безусый, с правильными чертами лица, гордый и бравый, но нежный, как какая-нибудь юная дева, испытывал чувство досады, придававшее его чертам выражение видимого противоречия.

Уходы от ударов противника возобновились вновь с той же самой проворностью; Степан был, как и его брат, ловким всадником. В этот раз ружье его выстрелило, но в четвертую попытку он вновь потерпел неудачу.

Старший, зачехлив тогда свое ружье, направился к своему брату, взял у него его ружье, проверил его, затем, бросившись вперед, выстрелил, но безуспешно. Существовало какое-то повреждение в бойке, он капризничал или же непригодным был камень.

Между тем как Степан, утешившись, продолжал исполнять свои кульбиты, устремляясь как снаряд во все стороны на расстояние в несколько сот шагов, Петр вновь вынул из чехла ружье и в последний раз зарядил его, вырвав часть шерсти из гривы своей лошади, дабы использовать ее вместо пыжа.

Когда прозвучал выстрел и ружье было заброшено за спину, я спросил его, действительно ли он привычно и часто пользуется подобной шерстью.

Он мне ответил, что нет, но если кусочек бумаги, белья или какой-нибудь листок не оказывались у него под рукой, могла пригодиться и грива лошади, и добавил, смеясь и поглаживая шею своего животного: «Это ничего, это не причиняет ему боли».

Это был прекрасный пятилетний конь, обладающий всем изяществом и всеми качествами степной конской породы. Ничего нет более грациозного, чем легкий аллюр этих лошадей. Простая трензельная уздечка, маленький наспинный ремень в упряжи, высокое седло, кое прилаживается в одно мгновение, – вот и вся конская сбруя.

Вместе со своей буркой, свернутой на крупе, если погода стоит хорошая, или покрытый ею, как монашеской рясой, если холодно или идет дождь, казак в шапке из овечьей шкуры с драповым днищем предстает совершенным образцом степного и горного всадника, так как казак и горец Кавказа имеют один и тот же костюм и одно и то же оружие.

Дабы иметь представление об их выправке, нужно видеть их в самой этой местности; необходимы этот край, эта степь, окаймленные вдали горами, обрамляющими горизонт, где вновь и вновь мелькают всадники на своих легких верховых животных, в красочных одеяниях, со всех сторон выставляющие свой облик в первобытном пейзаже, кой не может передать никакое описание.

Говоря о своем коне, коего он очень сильно любил, Петр сказал мне: «Я заплатил за него 70 монет»². Это сумма выше средней стоимости за степных лошадей, коих казаки обычно покупают по 50 рублей (200 франков).

При виде станицы Кисловодск я отпустил этих храбрецов, сердечно благодаря их за удовольствие, что они мне доставили. Они весело ответили столь известными в России словами: «Рады стараться!»³

Если я был удовлетворен встречей с ними, то и они, похоже, тоже остались довольны мною. Взобравшись в тарантас, я обернулся, дабы еще раз увидеть их; они смотрели в мою сторону.

Сперва я увидел Петра, поднявшего руку, показывая мне бумагу, что держал в руке; затем, продемонстрировав ее своему брату, он схватил шапку, помахал ею в воздухе и в качестве прощания прокричал: «Ура!».

То же самое сделал и Степан. Затем оба они помчались галопом в направлении своего поста, удаленного на 7 верст. Вот счастливые моменты в жизни всякого путешественника» [4].

Джигитовка казаков Волгского полка.

«Я возвратился (из станицы Боргустанской Волгского полка. – К.С.) в Кисловодск с эскортом этих бравых всадников под командованием урядника, чье гордое выражение лица, орлиный профиль и прекрасное сидение на коне я уже отмечал.

² «На рублях имеется надпись «монета рубль», помещенная на обратной стороне орла, находящегося на лицевой стороне. В России говорят «рубль», кой является последним словом, на Кавказе говорят «монета», коя является первым словом надписи на монете».

³ «Даже когда они, следуя наивысшему героизму, совершают подвиг, кой в их глазах является лишь обычным событием или поступком в их полной случайностей жизни, солдаты и казаки Кавказа отвечают на слова благодарности и поощрения со стороны своих командиров и тех, кого они такowym и считают, этими единственными словами, составляющими самую простую, самую трогательную и в то же время самую рыцарскую реплику, что может произнести самоотверженный воин».

Фамилия его Симонов; за подвиг в Чечне он был награжден крестом Святого Георгия. По редкому совпадению оказалось, что он знает мой дом в Петербурге. Мой камердинер Николай, весьма довольный поездкой и тем, что сам скакал на казацком коне, беспрестанно о том судачил.

Когда генерал Жомини гостил у меня в 1854–1855 гг., князь Паскевич приехал повидать его. Этот урядник, прикомандированный к эскорту маршала, каждый раз сопровождал того. Этот храбрый человек казался рад встрече, что в какой-то степени и продемонстрировал в приказах, им данных казакам.

В продолжение всех 17-ти верст, что мы прошли, дабы добраться до Кисловодска, они продемонстрировали мне все упражнения, все уклонения от удара противника, которые воспроизводятся в игровой форме в джигитовке, в которых с пылом упражняются с юных лет и которые в немалой степени содействуют тому, что они собой представляют прекрасных наездников.

Заряжая свое ружье, несясь во весь опор, стреляя, как то я описал в другом месте, располагаясь впереди, сзади и на флангах моего тарантаса, один из них, то был урядник, ожесточенно нападая с шашкой в руке на другого казака, изображавшего атакованного горца, оборачивающегося, дабы выстрелить в своего противника, затем предложил мне, наконец, представление об их играх: один, несясь взад и вперед, пролетал как стрела посреди своих товарищей, дабы похитить у одного из них его шапку, кою он бросал далеко в степи и кою другой казак, в свою очередь, несясь во весь опор, подбирает на лету, нагибаясь аж до земли.

Они все способны, впрочем, стоять на своих стременах, прыгая на седло справа налево, слева направо, походя на всадника, перпендикулярно сидящего на своем, галопом несущемся, скакуне.

Урядник, дабы заставить меня восхищаться надежностью копыт своего неподкованного коня, вскарабкался на крутой склон, затем устремил его вдоль этого склона, затем погнал его галопом вниз, не позволяя великолепному животному, хлеставшему свои бока хвостом, сделать хоть малейший неверный шаг и продемонстрировать хоть малейшую нерешительность.

Оказавшись в 2 верстах от Кисловодска, я узрел характерный пример этой приключенческой жизни. Двое всадников внезапно появились на вершине возвышенности; у них были ружья, шашки и чекеты горцев.

Урядник направился прямо к ним, решительно остановил их, и я вижу по резкости его движений головой, что он их допрашивает, а они ему отвечают; затем он, будучи довольным, возвращается.

Я осведомился: были ли это мирные горцы, живущие во внутренней части линий и могущие свободно здесь передвигаться, но при условии постоянно иметь при себе пропуск от военных властей, в коем указаны и их имена, и их аул.

Если они не могут его предоставить, то рассматриваются как враги и должны незамедлительно отдать свое оружие и сдаться в плен. «А если они не отдадут его?» – сказал я уряднику. «Тогда, – спокойно сказал он, – я имею право и приказ их убить» [5].

«Дети казаков совсем не плачут...».

14 сентября 1858 года. Станица Слепцовская, «штаб-квартира полковника Еделинского, командира двух полков сунженских казаков».

«Полковник произвел смотр ополчения казацких сыновей.

Начал он с юных казаков станицы Троицкой. Их было на конях 22 человека; самому старшему было 15 лет, самому молодому – только 9. Эти дети прошли конной колонной, следуя один за другим, галопом; затем, сгруппировавшись в эскадрон, они помчались во весь опор. Ни один не запнулся.

По приказу офицера, их приведшего, они построились в линию, дабы заполучить благодарности полковника. Они соскочили на землю и связали своих коней парами так, дабы они видели хвосты друг друга, и замерли.

В случае серьезной опасности таким образом связанные животные образуют своего рода заграждения, из-за коего казаки производят выстрелы.

Среди этих детей все распределяется как среди зрелых мужчин. Каждый степенно взял чашку, дабы зачерпнуть из ведра, где находилось нечто напоминающее водку – смесь пикета (?) и воды; затем наступила очередь раздачи мешка сушеных орехов; затем для некоторых из них начинался бег до

полковника, к коему двое первых, из числа прибежавших, бесцеремонно прикоснулись к полковнику как цели этого бега.

Я удивлялся тому, как девятилетнему ребенку удавалось прыгнуть в седло. Его голова едва превышала ноздри коня. Он схватил левой рукой гриву и, подняв правую, в конце концов ухватился за шишку на луке седла.

Приподнявшись после того силой своих маленьких запястий, он оперся коленями на бок своей лошади, покуда не добрался до стремени.

После раздачи орехов, когда маленький эскадрон уже оседлал своих коней, я направился к ребенку. На этот раз он совсем не доставал до стремени и сделал две безуспешные попытки. Наконец я понял причину этого: об этом мне рассказали его надутые щеки. Ребенок был увлечен орехами, он набил ими свой рот, что сводило на нет все попытки малыша, упорно старавшегося вновь сесть в седло. Ему помогли.

Когда эскадрон пустился в путь, было делом любопытным услышать, как петушиным голосом прокричал командир: «Сотня, направо, марш!». Почти все эти подростки были примечательны своей осанкой, особенно один из них, по фамилии Долгов, сын одного сотника, у которого была красивая овальная голова, покрытая шапкой, и лицо с восхитительными правильными чертами. Каждый из этих будущих воинов имел свою шашку, свой кинжал, свой пистолет и свое ружье за спиной.

Дети казаков совсем не плачут. Я видел одного трехлетнего ребенка, кой на бегу упал. Он выглядел поранившимся и стал плакать. Другой малыш, шести лет, прибежал, бросился пред ним на землю и стал передразнивать, говоря ему: «Баба». Ребенок посмотрел на него и прекратил плач.

С ранних лет их начинают приучать к суровой боевой жизни, что они должны вести. В восемь лет они уже помогают своим родителям, ходят на пастбища и караулят с несколькими казаками, мало-помалу приучаясь к мысли о степных опасностях и учась присутствию духа, который поможет их избежать» [6].

Примечания:

1. Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме / Составление и перевод с французского языка К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 288 с.
2. Там же. С. 42–43.
3. Там же. С. 197–199.
4. Там же. С. 65–69.
5. Там же. С. 86–87.
6. Там же. С. 191–194.

Е.В. Тёр
(ст. Ленинградская)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРЕ ЕЙСКОГО ОТДЕЛА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В МАРТЕ 1918 ГОДА

В этом году мы перешагнули столетний юбилей установления Советской власти на Кубани. 12 марта 1918 года в центре Ейского отдела Кубанской области – станице Уманской (ныне – Ленинградская) была провозглашена Советская власть. Это событие в прошлом отмечалось ярко, некоторым улицам присваивались имена его участников (Дмитрий Жлоба, Арсений Жубрицкий). На страницах районной газеты размещались материалы и отрывки из книг о командире легендарной «Стальной дивизии» Дмитрие Жлобе. Все эти публикации, к сожалению, отличались односторонностью освещения, сторонники же белого движения рисовались непременно с отрицательной стороны.

В последнее время широкой общественности стали доступны публикации, которые ранее по цензурным идеологическим соображениям были неизвестны. Поэтому в данной статье сделаем обзор наиболее известных, повествующих о тех далёких днях. Тем более что станица Уманская была одной из крупнейших станиц, в которой сосредотачивалась культурная, экономическая и политическая жизнь одного из богатейших отделов – Ейского.

Публикации разделим на три части; первые – это взгляд сторонников советской власти, вторая – ее противников, и современная оценка событий марта 1918 года.